

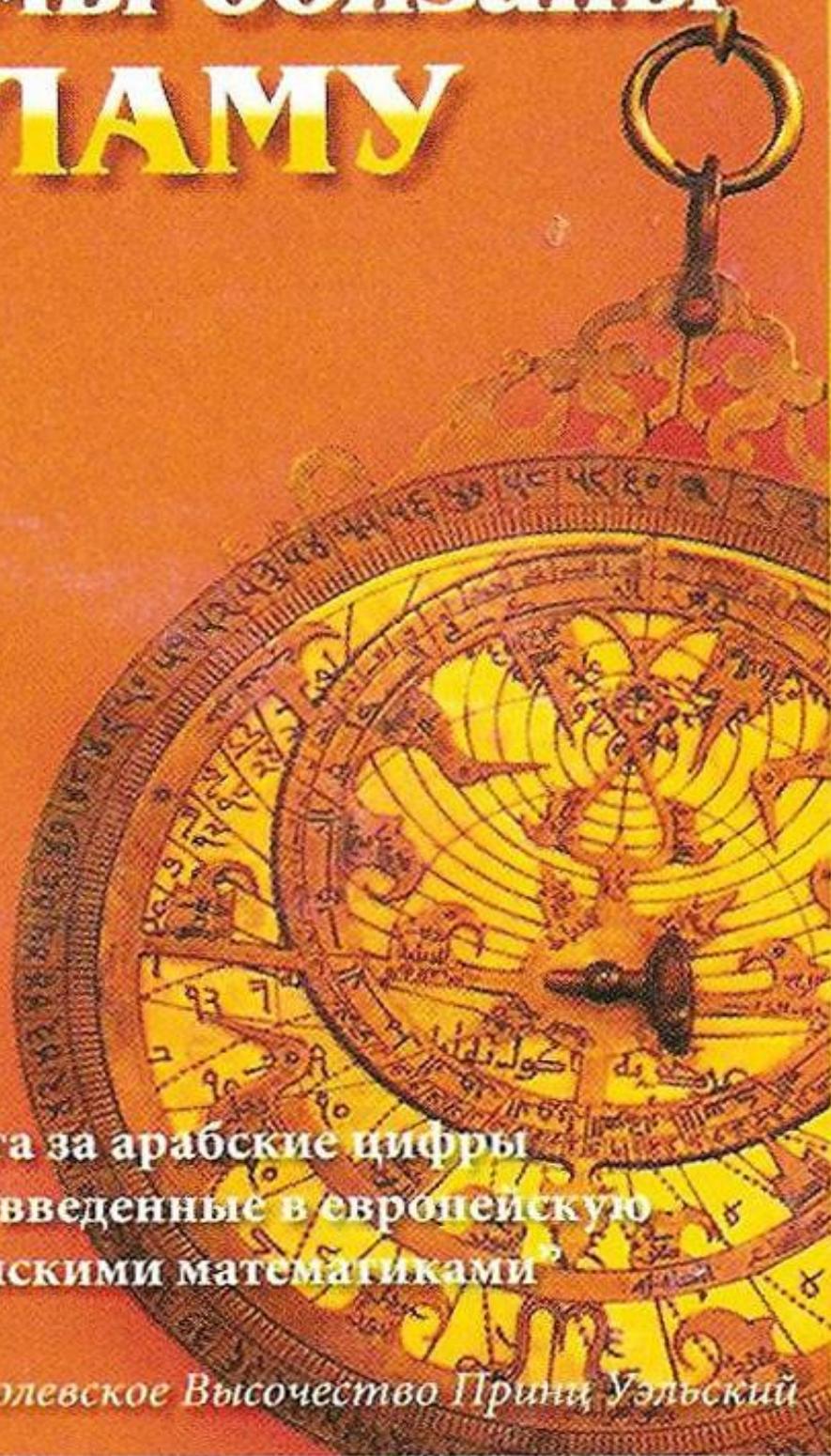
7

Знакомтесь – ИСЛАМ

Чем мы обязаны ИСЛАМУ

“Благодарим Бога за арабские цифры
и понятие нуля, введенные в европейскую
науку мусульманскими математиками”

Его Королевское Высочество Принц Уэльский

ЧЕМ МЫ ОБЯЗАНЫ ИСЛАМУ

По материалам журнала
«Impact International»

Киев
«Ансар Фаундейшн»
2008

ББК 86.3
К 90

Под общей редакцией
Ибрахима Б.Ф. Суду

Перевод с английского
Л.Ю. Самсоненко

К 90

Чем мы обязаны Исламу. – К.:

Ансар Фаундейшн, 2008. – 55с.

ISBN 966-7927-26-1

В основу этого сборника легли материалы английского журнала «Impact International», который освещает жизнь мусульман во всем мире. В статьях рассказывается об открытиях мусульманских ученых в области географии и ботаники, астрономии и математики, достижениях в архитектуре, искусстве и других сферах деятельности человека. Отдельная статья посвящена Т.Б. Ирвингу – выдающемуся американскому мыслителю-мусульманину, специалисту по арабистике и испанистике, автору таких работ, как «Возрождающийся Ислам», «Подъем Ислама», «Мир Ислама», «Коран: Первая американская версия» (перевод Корана на английский язык) и др.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей.

ISBN 966-7927-26-1

ББК 86.3
© «Ансар Фаундейшн», 2008

БИСМИ-ЛЬ-ЛЯХИ-Р-РАХМАНИ-Р-РАХИМ

**ВО ИМЯ АЛЛАХА МИЛОСТИВОГО,
МИЛОСЕРДНОГО!**

ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ ОБ ИСЛАМЕ И МУСУЛЬМАНАХ

*Речь его Королевского Высочества
Принца Уэльского, произнесенная во
время визита в «The Islamic
Foundation», Маркфилдский институт
высшего образования. Маркфилд,
Лестер, 24 января 2003 г.*

Дамы и господа, я очень рад присутствовать здесь, виной чему всецело является господин Чоудури Муин-Уддин! Он постоянно говорил мне, что я должен приехать посмотреть «The Islamic Foundation», в Маркфилде, и, наконец, я здесь.

Немногим более года назад господин Муин-Уддин! Принимал нас с Принцем Мухаммадом Аль-Файсалом в мечети в восточной части Лондона, заметив при этом, что наследные принцы подобны лондонским автобусам: ты бесконечно долго ждешь, когда придет один, а затем внезапно появляются сразу два.

Я могу лишь сказать, что именно этот с нетерпением ждал сегодняшнего приезда сюда.

«The Islamic Foundation» ведет исследовательские работы по многим направлениям и широко известен своими научными трудами, публикациями и исследованиями.

Кроме того, на протяжении многих лет «The Islamic Foundation» находится в авангарде диалога между мусульманами Великобритании и их согражданами-немусульманами и стремится сделать принципы исламской веры понятными каждому, посредством активного участия в межконфессиональном диалоге и посвящении.

Например, культурно-просветительские курсы, которые проводятся именно в этом зале как часть учебно-тренировочной программы, повышают уровень образования представителей местных органов власти, работников социальной сферы, полицейских и других, кому в силу служебных обязанностей приходится ежедневно общаться с согражданами-мусульманами.

Таким образом, «The Islamic Foundation» выполняет в высшей степени прикладную функцию! Но это, прежде всего, - научное учреждение, а наследие мусульманской науки – обширно: от математики до астрологии, естественных наук, медицины, географии и гуманитарных знаний.

К примеру, любому, кто сомневается относительно вклада Ислама и мусульман в европейское Возрождение, следует, в качестве упражнения, попытаться сделать несколько простых подсчетов, используя римские цифры. Благодарим Бога за арабские цифры и понятие нуля, введенные в европейскую науку мусульманскими математиками!

Поколения школьников могут сказать «спасибо» Аль-Хорезми за то, что он познакомил Европу с радостями алгебры (которую я очень хорошо помню),

когда его книга по этой дисциплине, написанная в IX веке, была переведена в 1145 г. на латынь.

Можно даже засомневаться: а смог бы Колумб открыть Новый Свет без опыта и умений его навигаторов-мусульман, ведь некоторые из них, как утверждают, пересекли Атлантику еще во время предыдущих плаваний.

Позднее, когда мусульмане обжились на этом острове, мы стали свидетелями создания в начале девятнадцатого столетия «Mahomed's Baths and Shampooing Establishment» («Заведения для купания и мытья головы, принадлежащего Махоммеду») в модном на то время Брайтоне. Сын господина Махоммеда, Фредерик Амбар Махоммед, стал доктором медицины и участвовал в конструировании (простите мне ужасный каламбур) сфигмометра – «Первого инструмента для измерения кровяного давления» в больнице Гая в 70-х годах столетия.

Адвокат из Ливерпуля и знаменитый путешественник Уильям Генри Киллиам основал в родном городе первую в стране мусульманскую школу и приют для сирот, а также мечеть и исламскую библиотеку. Исламская мудрость принесла пользу и моей семье – королеву Викторию, мою пра-, пра-, прабабушку учил языку индиец мусульманин, в котором используется персидская графика, Хафез Абдель Карим – один из нескольких индийцев, служивших при ее дворе.

Когда в 90-х годах XX века Лорд Ахмед из Ротерема был возведен в сословие пэров, это назвали прорывом для мусульманского сообщества. Однако новообращенный мусульманин и член верхней палаты лорд Стенли из Эддерли опередил его более чем на сто лет, как и лорд Хэдли, который объявил о своем обращении в исламскую веру в 1913 г.

Так, присутствие мусульман в научном сообществе, государственных учреждениях и высших эшелонах нашего общества не является чем-то новым, но этот факт следует отметить. И мы, пожалуй, могли бы почтить минутой молчания память сотен мусульман, погибших на службе Короне в двух мировых войнах. Мемориал торгового флота на Тауэр Хилл в Лондоне в высшей мере свидетельствует о мужестве мусульман, отдавших свою жизнь на борту британских кораблей.

Принимая во внимание такое наследие, дамы и господа, я рад присутствовать здесь на официальном открытии нового здания Маркфилдского института высшего образования.

Главная цель «The Islamic Foundation» заключается в содействии развитию передовой науки и просвещения, как это представляет себе его основатель, действующий председатель и хозяин сегодняшней встречи профессор Хуршид Ахмад.

Я полагаю, что весь маркфилдский комплекс, включая прекрасную библиотеку, обладает потенциалом превратиться в один из ведущих европейских центров последипломного образования в области изучения Ислама и мусульманского мира.

ИНТЕРЕСНАЯ ЖИЗНЬ. ДРУЗЬЯ ПО ВСЕМУ МИРУ

*Мусульмане должны оставаться
верными Исламу.*

Мать часто говорила мне, что Первая мировая война разразилась как раз тогда, когда она поднялась с постели после моего рождения 20 июля 1914 г. Эти слова, безусловно, и сейчас возвращают меня в те времена.

Еще одно воспоминание, вернее первое, непосредственно связанное с этим вооруженным столкновением, рисует мне картину, как я взобрался на плечи местного аптекаря, мистера Дональда Ферберна, чтобы посмотреть на биплан, который летел с базы канадских королевских военно-воздушных сил.

Она располагалась в Кемп-Бордене, несколькими милями восточнее Оранджвилла, где жила моя бабушка по материнской линии, Аннабел Макинтайр, и куда мама отвозила нас летом на каникулы.

Я отчетливо это помню, как помню и биплан, который после событий того дня стал для меня олицетворением авиации в годы моего раннего детства.

Я вспоминаю и первый день перемирия, 11 ноября 1918 г., когда в нашем городке Престоне (ныне Кембридж, штат Онтарио) зазвонили все церковные колокола. Часы показали 11 утра, и соседка – девчушка на год младше меня, Норма Эби, закричала, что наступило «Перемирие!». Это было непростое слово для четырехлетнего мальчика и трехлетней девочки, но когда я вернулся в дом, чтобы рассказать об этом маме, она вдруг села у кухонного стола и расплакалась. Так проявились ее чувства по прошествии четырех лет войны на другом континенте.

В Оранджвилле у моей бабушки, Аннабел Макинтайр, была подруга миссис Макферсон, трое сыновей которой отправились во Францию. Домой они вернулись год спустя. Я помню, как они рассказывали о позиционной войне и о том, как обращались с немецкими пленными. А затем они взяли меня с собой посмотреть первое в моей жизни кино. Это было в Оранджвилле, небольшом центральном городке округа, расположенном к северо-западу от Торонто – Грей и Брюс Канадской тихоокеанской железной дороги.

А еще с этой войной связаны рассказы о восстании в Ирландии, когда в Престон из Уотерформа, где сейчас производят изящные изделия из стекла, переехали друзья, «ирландские» Брауны, как мы их прозвали. А еще о том, как греки бежали от турков из оккупированных ими городов в Малой Азии. Эта кампания привела меня в замешательство, ведь я никогда прежде не слышал такие названия, хотя она и была отголоском Галлипольской операции, о которой рассказывал отец. Он с моими тетками заставлял меня, даже в столь юном возрасте, читать газеты: «Торонто», «Голуб» (которая еще не называлась «Голуб энд Мэйл») и «Галт Репортер» (выходившую в соседнем городке,

расположенном южнее, куда я позже отправился учиться в средней школе или «collegiate», как мы зовем ее в Онтарио).

Ближний Восток, или Средний Восток, как его называли вплоть до окончания Второй мировой войны, вошел в мою жизнь, когда кузина отца, Тед, или Эдна Паркс, из Сент.-Кэтрин (что неподалеку от ниагарского водопада), дала моей тете Джен экземпляр книги Т.Э. Лоуренса «Восстание в пустыне». К этому времени я уже учился в средней школе и с интересом прочел эту книгу. Благодаря ей я получил первое представление об арабах и еще одном театре действий предыдущей войны.

Затем в университете Торонто я специализировался на языках, начав с французского, немецкого и испанского, и даже посещал «дополнительные занятия». Основателями Престона, моего родного города, были преимущественно немецкие иммигранты, и хотя молодое поколение редко бралось за изучение их языка в школах и университетах, я с восхищением слушал, как на нем говорят старшие жители нашего округа Ватерлоо, что в 60 милях западнее Торонто. Французский язык, разумеется, преподают в Онтарио повсеместно, хотя в те дни, я бы сказал, это происходило весьма посредственно. К испанскому мне посчастливилось приступить на пятом году обучения в средней школе. Мисс Денет Картер была превосходным педагогом, она учила и моего отца, но только французскому языку.

На втором курсе университетского колледжа, или, как мы сокращали, «УК», знаменитый профессор У.К.Тейлор читал курс «Восточная литература», посвященный Ближнему Востоку и древним памятникам письменности этого региона. Он объяснял основы Ислама не хуже, или даже лучше, чем на любом другом современном курсе по этой дисциплине. Кроме того, узнав, что в Торонто преподают арабский язык, я начал изучать его и сегодня счастлив, что столь своевременно записался на курсы.

Преподавал у меня профессор Фред Уиннетт. Третий год студенчества я провел в Монреале, где изучал французский. «Les Pres Blancs», или «Белые отцы», чей офис находился вниз по улице Сент-Кэтрин от университета, занимались миссионерской деятельностью в Северной Африке, но я был разочарован, что на самом деле об Исламе они знали очень мало.

После окончания университета в Торонто я надеялся продолжить учебу в Париже, но из этого ничего не вышло, и преподаватель арабского языка предложил мне подать заявление в Чикаго. Однако там профессор Мартин Спренглинг ответил, что свободных мест на этот год больше нет, и предложил мне подать заявление в Пристонский университет. Здесь моей специализацией стала исламская, или «мавританская» Испания, в частности, период правления короля Кастилии Альфонса X «Мудрого» (*El Sabio*) с 1252 по 1284 г.

В 1940 г., когда я получил докторскую степень, преподавать арабский в какой-либо из канадских или американских школ было практически невозможно, и я начал карьеру в качестве преподавателя испанского языка в Беркли. Возможность работать с арабским появилась после Второй мировой

войны (во время которой я служил в военно-морском флоте Канады), в 1948г., в Миннесоте, когда бывший соученик по Принстону, Дональд Свонсон, попросил моего заведующего кафедрой романских языков, профессора Френсиса Бартона, чтобы тот позволил мне преподавать этот язык на созданном им факультете лингвистики. Дону предложили подготовить программу по лингвистике для университета в Миннесоте. Он был лингвистом-теоретиком, который специализировался на греческом языке и санскрите, и не хотел, чтобы программа его факультета ограничивалась исключительно европейскими языками, как в большинстве университетских программ того времени. Учитывая наше знакомство и дружбу в Принстоне, он предоставил мне эту великолепную возможность.

Так началась моя карьера преподавателя арабского языка, а со временем и других курсов по культуре, которые приобрели популярность в те дни. Я уже вел курсы, посвященные Латинской Америке (после того, как прожил некоторое время в Мексике, Колумбии и Гватемале), и курс по исламу и арабскому языку выстроил по аналогичной схеме. Это, в итоге, привело к Фулбрайтовской стипендии на проведение научно-исследовательских работ в Багдаде и Ираке, полученной мною как раз во время войны в Суэцком заливе в 1956-57 гг., и в результате я обрел нечто подобное тому, что дал мне опыт работы в Латинской Америке.

В Багдаде я познакомился с известным марокканским знатоком хадисов, или традиции Пророка, получившим степень доктора философии в Боннском университете (еще до того, как этот город на Рейне стал столицей Западной Германии), доктором Таки-ад-Дином аль-Хиляли, родом из оазиса Сиджильмаса на юго-востоке Марокко. Вечером по четвергам он давал частные уроки у себя дома в Аль-Адамийе, северном пригороде Багдада, и во время этих занятий я понял, что мне пора приступить к переводу Корана на английский язык (в его североамериканском варианте) под руководством доктора Хиляли. Спустя двадцать три года задача была выполнена. Следующим шагом стала подготовка к печати и публикация книги.

Возвращаясь в июле 1957 г. домой, я совершил хадж при поддержке доктора Хиляли и посетил древний город Джедду – прибежище нашей общей прародительницы Хавы, или Евы («джадда» по-арабски означает «бабушка»), а также Мекку Аль-Мукарраму и Медину Аль-Мунаввару.

За все эти годы Ислам в Северной Америке превратился едва ли не из диковинки в крупнейшую религию, которая стремительно распространяется на нашем континенте. Это стало важным явлением, отражающим всемирный характер Ислама.

Первыми мусульманами в Северной Америке были выходцы из западной Африки, похищенные и привезенные против их воли в качестве рабов на плантации Бразилии, Вест-Индии и юга США. На протяжении двух или трех веков они подвергались «промыванию мозгов» но в этом (XX) столетии (и будем надеяться, что так будет происходить и в XXI, или XV веке по

исламскому летоисчислению) они пытаются вернуть свое наследие.

Позже, в конце прошлого XIX века прибыли арабы и мусульмане со Среднего Востока, а вслед за ними – албанцы, боснийцы, и выходцы с Ближнего Востока. После Второй мировой войны приехали пакистанцы и индийские мусульмане, осевшие преимущественно в крупных городах. Они, как правило, имели профессию, обучались в колледже и прошли необходимую подготовку.

Сегодня Ислам приобретает все больше приверженцев и укрепляет свои позиции. Правительство и средства информации, кажется, озадачены: что с этим делать и как это контролировать. О таком положении вещей свидетельствовали и их поведение во время войны в Персидском заливе против Ирака, и дилемма, перед которой они оказались, в иранской компании. Телерепортеры слишком часто называют нас «Moslems» озвончая «s» и никак не связывая это слово с Исламом.

Они не знают, как справиться с Исламом – рациональной концепцией, которой руководствуется одна пятая населения мира, но лечат нас от сенсуализма, как если бы Ислам по-прежнему был чуждым явлением в свете представлений средневековых крестовых походов, а не религией одной пятой населения мира.

Многое изменилось за последние 80 лет, но Соединенным Штатам необходимо приспособиться к мусульманскому и арабскому миру, а также к огромному числу своих граждан, которые исповедуют Ислам и молятся Одному Богу.

Моя жизнь полна интересных событий, у меня множество друзей по всему миру. Жизнь изменилась и мусульмане должны прожить ее убедительно, оставаясь при этом верными Исламу.

Т.Н. Ирвинг

«Impact International»,
сентябрь 1994

ИСЛАМСКИЙ ВКЛАД В КУЛЬТУРУ

Открытый взгляд на мир – жизнь в ее самом полном проявлении

Ислам дал миру троих выдающихся философов: аль-Кинди, араба, уроженца древней Линды, что на юге Йемена, объектом исследования которого были труды греческих философов; аль-Фараби, турка из далекой Средней Азии, изучавшего политику, оптику и теорию музыки; а также Ибн Сину, или «Авиценну» для чужестранцев, – перса, блестяще синтезирующего философию и медицину. Эти философы переосмыслили греческий и индийский материал, который стал составной частью их мировоззрения, тогда как Западная Европа по-прежнему придерживалась средневековой позиции. У них было множество учеников, а выдающийся компендиум, или «Канон врачебной науки», Ибн Сины. В латинском переводе изучался в некоторых западных университетах даже еще в конце XIX начале XX столетия.

Но, пожалуй, наиболее интересен среди исламских мыслителей Ибн Хальдун, который изучал историю и философию культуры и изложил свои заключения в известном труде «Введение в историю». Этот прославленный выпускник университета Аз-Зейтуна, и поныне существующего в Тунисе, провел исследование закономерности подъема и упадка цивилизаций задолго до того, как Эдуард Гиббон написал «Истории упадка и разрушения Римской империи».

Его теория цикличности культур человечества сходна с теориями Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби, получившими развитие в XX веке. Проводя это важнейшее исследование, Ибн Хальдун общался со знаменитыми правителями на трех континентах: от кастильского короля Педро Жестокого, встреча с которым состоялась в Севилье, где на протяжении пяти столетий проживало семейство Хальдун, и до Тамерлана, завоевателя Средней Азии, с которым он встречался и беседовал в Дамаске.

Знание мусульманами географии также превосходило уровень средневековья. Задолго до Колумба оно основывалось на представлении Птолемея о том, что земля круглая, и на практических занятиях, полученных в ходе широкомасштабной международной торговли, а также на ежегодных встречах паломников в Мекке.

Совершая хадж, люди всегда с готовностью обменивались своими познаниями в этом удивительном космополитическом городе, остающимся таким и поныне.

Однако арабам, как и их современникам майя в Центральной Америке, таким же превосходным астрономам, приходилось наблюдать за небом невооруженным глазом, без телескопа. В XII веке Идриси, марокканский географ, проводил исследования в нормандских владениях в Сицилии, где он составил несколько карт известного на то время мира. И хотя ученый жил на побережье Средиземного моря, его знания, к примеру, Индийского океана были просто выдающимися. Он также поведал о нескольких мусульманских юношах из Лиссабона, что в современной Португалии, достигших неких «Овечьих

островов» в Атлантике, которые вполне могли оказаться Канарскими либо Антильскими островами.

Это путешествие говорит о том, что плавания по Атлантическому океану совершались еще за три столетия до того, как Колумб открыл Америку; изображения в Чичен-Ице на полуострове Юкатан – о том, что светлокожие и зеленоглазые моряки добрались до этой части Мексики еще до XI века. И даже в китайских источниках говорится о морских путешествиях на запад Испании и в Северную Африку.

Однако гавани и на Атлантическом, и на Средиземноморском побережьях Марокко были плохими и страна начала вести международную торговлю, используя океанские суда, только в XX веке, когда в Касабланке построили крупный порт. Кстати, слова «адмирал» и «арсенал» – это арабские морские термины. «Магазин» происходит от слова «*махзан*», которое по-арабски означает «склад», хотя в современном английском языке слово «*magazine*» означает журнал, то есть место, где «складируют» статьи для чтения (тогда как испанское производное *almacen* означает «магазин» или «склад»).

Особое место среди наук занимала ботаника, в частности ее раздел, сопряженный с фармакологией. В вашингтонской галерее Фриз хранятся некоторые уникальные образцы арабских и персидских эскизов растений. Арабский мыслитель аль-Кинди восхищался оптикой, которая связана с математикой. Астрономы, как мы уже сказали, изучали небо невооруженным глазом, пока голландцы не изобрели телескоп, и в основе этого изобретения лежали арабские исследования в области оптики.

Ввиду исламского запрета на изображение людей или животных, основанного на предостережении пророка Мухаммада о том, что люди могут вновь начать поклоняться идолам, в исламском искусстве преобладают геометрические формы. Благодаря абстрактности, они направляют взгляд и разум вперед и вперед, не позволяя, как в других религиях, остановиться и созерцать застывшие образы, которые могут помешать свободному человеческому духу поклоняться Единственному Богу во всей Его безупречности и простоте. Каллиграфия стала основой этого стиля и в убранстве зданий, ведь она также устремляет разум все дальше и дальше в созерцании Божественного Слова.

Так, стены и полы исламских сооружений от Марокко и на восток до Индии выложены плиткой, представленной в бесконечном многообразии; такой стиль украшает строения в Испании и даже по ту сторону Атлантического океана, по всей Латинской Америке. Латиноамериканский стиль архитектуры и отделки зданий добрался и до Северной Америки, тем же путем, что и агрономия — через Калифорнию, Техас и Флориду. Вот каким образом так называемый «калифорнийский» стиль сместил средиземноморский и ближневосточный внутренний дворик (*patio*) из центра дома, где он располагался подобно древнеримскому атрию, на бетонные плиты наших задних дворов, где он, по сути, выполняет роль *azotea*, или сада на крыше (по-арабски *ас-сутайха*), улавливающего вечерний бриз.

В арабских домах внутренний дворик был сосредоточием жизни, где такие простые вещи, как вода, становились бесценными, и расположенный в его центре фонтан, создававший подобие легкого ветерка, охлаждал воздух в

жарком климате задолго до того, как это стало возможным благодаря эре громоздкого оборудования, химии и электроники.

Столь открытый взгляд на жизнь – одно из проявлений способности средиземноморских и исламских народов жить в полную силу. Он отражает ту романтическую притягательность для жителей Запада, которой обладает Андалусия и наделивший ее такой искрой Ближний Восток: это по-прежнему добрая жизнь, где есть место поиску внутреннего сознания, тему которого мы затронули упоминая об исламской концепции Сокровенного и ее склонности к абстракции. Это начало проявляться в архитектуре, когда мечеть стала служить центром не только еженедельной молитвы, но и превратилась в школу, а затем и в высшее учебное заведение.

Развитие техники дало Испании водяные колеса для орошения; их название «погіа» («водокачка») восходит к персидскому слову через арабский язык, и оно сохранилось в испанском языке для обозначения этого полезного механизма, тогда как слово «асеquia» происходит от «ас-сакиййа», до сих пор означает «оросительный канал», в который переливается вода, поднимаемая этим устройством. Большую ценность представляли и хозяйственные культуры, которые арабы привезли с Востока, например, сахарный тростник, хлопок, пряности (в первую очередь гвоздика и перец), лимоны и апельсины, финики, множество сортов дыни и абрикосы.

В 1976 г. благодаря направлению прикладного искусства *мудехар* (которое распространилось благодаря испанским ремесленникам-мусульманам и название которого прямо происходит от слова «*мудаджжан*», что по-арабски означает «прирученный», поскольку им пришлось остаться вассалами у христианских правителей) три новых автомобиля получили названия в честь трех арабских городов Испании: так, «Кадиллак» выпускает модель «Севилья», «Форд» – «Гранада», а «Крайслер» – «Кордова». Таким образом, даже современное инженерное искусство невольно отдает дань уважения трем красивейшим городам исламской Испании, где жили ремесленники – мастера своего дела.

В коврах – текстильных изделиях – повторяются те же узоры, что и в предметах, изготовленных посредством обработки железа, латуни и меди, сувенирах из дерева, а также в изделиях из тисненной кожи.

На всех этих произведениях прикладного искусства присутствуют сложные геометрические узоры, состоящие из четких прямых линий, схемы которых традиционно хранятся в семьях и передаются от поколения к поколению; простые ремесленники и привезли их в испанскую и португальскую Америку.

Иной вклад Ислама в культуру человечества обнаруживается в нашем словаре. Кофе – напиток умеренности – подобно чаю и шоколаду, попал в Европу интересным путем: изначально это были ягоды небольшого кустарника, произраставшего в Южной Аравии и Эфиопии, где его называли «*Каһва*». В ливанском диалекте произошла переогласовка конечной – а на ä – или – е, и этот умлаут турки услышали как «*Каһве*», поскольку они, как и немцы с персами, не произносят звук w. Австрийцы в Вене переняли это слово. В XVII веке они пили кофе и называли его по-своему, «*Kaffee*», опуская -h- и оглушая -v-. Отсюда он пришел к англичанам как «*coffee*», а впоследствии французы по

привычке перенесли ударение на последний слог. Вот таким путем в XVIII веке этот напиток пришел к испанцам под названием «café».

Они отправили его зерна в Бразилию, Колумбию и Гватемалу, из которых там стали выращивать тропическую сельскохозяйственную культуру. Однако это заимствование не могло прийти непосредственно от испанских мусульман, когда те еще жили на Пиренейском полуострове, поскольку их окончательно изгнали в 1610 г. – за несколько десятилетий до турецкой осады Вены (1693) и спустя ровно девять столетий после их прихода в 711 г. на полуостров.

Возможно, кое-кто из мусульманских рабов, захваченных в Африке, привез с собой из западной части этого материка первую пару «марака» по-арабски «маракис», или «инструменты для танцев», – а также их название и, может быть, «маримбу», то есть ксилофон, который изначально тоже изготавливали из высушенной тыквы.

Персонаж американского писателя-южанина Джоэла Чандлера Харриса – Братец Кролик поведал о представителях животного мира, которых привез другой, того не желавший, трансатлантический пассажир. Кролик доносит до нас далекие сказки о животных, такие как «Пес и его тень», «Лев – Царь зверей» и др., прототипы которых следует искать среди неведомых обитателей джунглей Африки и Азии. Эти истории были известны и в арабском мире как басни о Калиле и Димне, двух хитрых шакалах, которые впоследствии могли превратиться в лукавого кролика из сказок Дядюшки Римуса.

Такие истории, основанные на рассказах главного персонажа, составляют особый класс фольклора «рассказ в обрамлении». В подобных произведениях главный герой является центральной фигурой в нескольких эпизодических историях наподобие наших комиксов.

«Арабские ночи», точнее «Тысяча и одна ночь», представляют собой разновидность таких циклических рассказов, а их герои – Алладин с его волшебной лампой, Али-Баба и сорок разбойников, Синдбад-мореход — положили начало так называемым «макамат» («посиделкам») на арабском языке, а затем и плутовским историям на испанском.

Все это произошло за несколько столетий до того, как благодаря изобретению печатного станка появилась необходимость в письменных рассказах, и эпизодическое устное народное творчество старых времен преобразовалось в современный роман, суть которого заключается в метаморфозах, происходящих с центральным персонажем. Современный герой произведения художественной литературы не остается прежним, он развивается, хотя телевидение может повернуть его стиль к первоначальному состоянию и вновь привести к стереотипному образу.

Так проявляется очарование слов и понятий. Английское слово «traffic» происходит от арабского отглагольного существительного «тафрик», в котором произошла перестановка, или метатеза, средних согласных; оно означает «разделение» или «распределение» потоков транспорта, подобное тому, что мы видим на транспортных развязках магистралей.

Таким образом слово «тариф» происходит от «та'риф», т.е. «уведомление» или «сообщение» наподобие тех, что вывешиваются на таможне для сведения посетителей. Эти два слова встречаются в арабском языке в форме инфинитива или отглагольного существительного.

Калифорния, или Кила'аль-Фурун, означает «Замки печей»; впервые она упоминается как «Калиферн» во французской эпической поэме «Песнь о Роланде». В этом произведении говорится о заморской стране, из которой прибывали воины на помощь испанским арабам, или сарацинам в борьбе против Карла Великого. В те времена земля должна была находиться в Северной Африке, но в XVI столетии, когда Эрнан Кортес завоевал Мексику, ее перенесли на протяженный полуостров, лежащий к западу от Мексики через Калифорнийский залив, а впоследствии на материковую часть на север от него.

Здесь рассказано лишь о незначительной части того вклада, который Ислам внес в культуру человечества, особенно в том виде, в каком получил его Запад. Он касается всех сфер деятельности человека и помог значительно облегчить жизнь на земле.

Кстати, исламский мир никогда не переживал такого периода средневековья, как Западная Европа, и поэтому называть Ислам «средневековым» или отсталым, как это делают некоторые ориенталисты, несправедливо.

За четырнадцать долгих веков исламский мир сформировал богатую культурную среду, объединившую и приумножившую наследие древнего мира, и донес эту культуру до наших дней через европейские Средние века и эпоху Возрождения. Без этого мы были бы лишены значительной части нашего классического наследия, ведь земледелие, наука и механика Индии и Китая тоже пришли в Европу и Америку через невероятно активный исламский мир.

Т. Б. Ирвинг

«Impact International»,
Январь – февраль 2004

КУЛЬТУРА: ЧЕМ МЫ ОБЯЗАНЫ ИСЛАМУ

Тысячу лет назад большая часть Западной Европы к северу от Пиренеев переживала времена, которые мы называем Темные века или средневековье. Так откуда же появился свет?

Западный мир всегда хотел знать, что представляет собой Ислам, что придает ему силу и красоту? Одна из стран, которая задается этим вопросом на протяжении теперь уже пяти веков, – Испания, ведь она утратила свое исламское наследие как раз тогда, когда открыла Америку. Эта потеря и стала причиной того, что Испания с тех самых пор задержалась в средневековье.

Впервые Мадрид упоминается в истории, когда в конце X столетия молодой мусульманский ученый из Испании по имени Масляма аль-Маджрити (т.е. он родом из «Маджрита», или города, расположенного на холмах в 40 милях к северу от Толедо в центральной части Испании) отправился на Восток для обучения, как мы бы сказали сейчас, в аспирантуре. Арабские учебные заведения, которые он посещал, назывались еще не университетами, а «джами'ат», или места, где «собираются» студенты и преподаватели, чтобы получить и передать знания.

Тысячу лет назад большая часть Западной Европы к северу от Пиренеев переживала времена, которые мы называем Темные века или средневековье. Этот мрачный период длился от заката Римской империи, правившей в древности Средиземноморьем, и до Ренессанса, или эпохи Возрождения, европейской культуры, начавшегося пять-шесть столетий тому назад. Однако южная, или исламская, Испания не входила в состав территорий, переживавших средневековье, а являла собой дальнюю западную окраину гораздо более обширного исламского мира.

Аль-Маджрити (что в переводе с арабского означает «человек из Мадрида») углублял свои знания в стране, которую сегодня мы называем Ирак, в городах Багдад, Куфа и Басра. Завершив учебу, он вернулся в Испанию с двумя значительными интеллектуальными приобретениями: первым была система арабских цифр, как раз заимствованных исламским миром у индусов, которые арабы по-прежнему честно называют индийскими (в подтверждение осознания этого долга цифры в арабском языке до сих пор пишутся слева направо, как в европейской и индийской системе письма, а не справа налево, как пишут по-арабски и на иврите); а другим заимствованием Маслямы стал ряд астрономических таблиц, составленных персидским ученым аль-Хорезми.

Мы могли бы добавить и третье приобретение – энциклопедию, подготовленную группой философов, называвших себя «Братья Чистоты», сходны с французскими энциклопедистами XVI-II века в Западной Европе. Это движение послужило аналогичным стимулом для научной мысли исламского мира, переживавшего в то время свой расцвет. Перечисленные орудия развития

знаний оказались важным вкладом в культуру человечества. Цифры практически сразу перенял молодой французский студент по имени Герберт Аврилакский, который учился в Испании и привез их на север, к себе на родину. Там эти цифры позволили жителям Западной Европы, так же как арабам и индусам, выполнять более абстрактные арифметические расчеты и отказаться от неудобных счетов, которыми пользовались римляне и китайцы. Впоследствии Герберт став римским папой Сильвестром II сумел повсеместно распространить это новшество.

Если греки придумали планиметрию, то арабы продолжали работать над стереометрией и тригонометрией. Кроме того, они создали алгебру, позволяющую осуществлять еще более абстрактные расчеты. Название этой науки указывает на возможность заключать цифры или другие понятия между скобками в «аль-джабр» или «лубок», точно так же, как поломанную ногу или руку, чтобы отдельные части могли свободно перемещаться как единое целое.

Отныне математики были готовы оперировать более абстрактными переменными, чем прежде. Между прочим, «X», который используется в алгебре, – это испанская начальная буква арабского слова «шай'», означающего «ничто», подлежащее перемещению, поскольку в средневековом испанском языке «X» передавал наш звук «ш». А за ней, как и следовало ожидать, последовали «Y» и «Z». При помощи подобных слов, создающих в нас ментальные картины, можно пересказать значительную часть истории человечества.

Таким образом, развитие современной науки стало возможным в Испании за пять столетий до западноевропейского Ренессанса, а Западная Европа получила возможность преодолеть свое средневековье. Ряд мусульманских и христианских ученых адаптировали астрономические таблицы аль-Хорезми для использования в испанской географии. Их усилия увенчало создание школы перевода при поддержке великого короля Кастилии и Леона, Альфонса X Мудрого (1221-1284). Король Альфонс вновь переделал эти таблицы для использования в Толедо, который в то время был главным городом Испании. Многие звезды, к примеру, носят арабские названия, скажем, Бетельгейзе, или «Дом Близнецов».

И, если бы победившие кастильцы из северной Испании были столь же толерантны, как арабы и мусульмане и каким старался быть король Альфонс, вместо того, чтобы в итоге полагаться в своей системе внутренней безопасности на инквизицию, мы бы до сих пор вели астрономические и морские наблюдения, опираясь на долготу Толедо. Для таких вычислений было необходимо еще одно изобретение арабов – астрольбия. Но вместо этого британцы, приблизившись к уровню науки остальной Европы, в своей погоне за мировым господством приняли за основу навигационных расчетов долготу Гринвича.

Важную роль сыграл и двор Альфонса, поскольку флорентийский посол Брунето Латини, завез в Италию некоторые из исследований короля; так исламская концепция Рая и Ада в конечном счете повлияла на «Божественную комедию», написанную учеником Латини Данте Алигьери, который в духе своего времени поместил Мухаммада в один из низших кругов Ада.

Математика и астрономия были не единственными науками, в которые

внесли вклад арабы и мусульмане во времена расцвета исламской империи как самого динамичного общественного института в мире. Их обширные владения простирались от Марокко и атлантического побережья Испании, охватывая те же территории, что и сегодня, через дюжину арабских стран, Персию, турецкие земли в Анатолии и Средней Азии и далее до Северной Индии и Бенгалии, вплоть до Индонезии и границ Китая.

А два важных вида китайских товаров – бумагу и шелк – вывезли на запад далеко за пределы Великой Стены по Великому Шелковому пути и доставили через все Средиземноморье до самой Испании. Примечательно, что эти изобретения ввезли на Пиренейский полуостров как производственные процессы, а не просто как потребительские товары, и произошло это, по меньшей мере, за три столетия до того, как по тому же пути на Восток отправился Марко Поло. В те дни бумагу делали из ветоши и травы эспарто, росшей неподалеку от Валенсии на востоке Испании; а тутовые деревья, листьями которых питаются шелкопряды, начали выращивать в районе Веги или в долине реки около Гранады в горах на юго-востоке Испании.

И все же дороги северной Испании были столь примитивны, что прошли века, прежде чем французские дамы начали носить шелковые чулки или шелковые платья: Париж еще не стал центром моды.

Порох – еще одно изобретение китайцев, о котором следовало бы здесь упомянуть – был ввезен в Европу по тому же пути несколько позже. Однако впервые его применили в Испании в войне за Гранаду.

На всей этой обширной территории, от Атлантики до Средней Азии, в каждом городе можно было встретить ученых, в большинстве городов имелись превосходные учебные заведения. Как уже говорилось, учиться на Восток ехали лучшие студенты из Испании и Северной Африки, которые затем создавали свои передовые центры обучения в Кордове, Севилье и Гранаде.

Замечательные джами'ат, Мадраса и куллият, которым они покровительствовали, дали Европе новое слово-кальку – «университет», – означающие место, где «собрано все» для обучения; до этого употреблялись греческие и латинские слова «лицей» и «академия», да еще знаменитый александрийский Мусейон, или «Храм муз». Название французской и испанской ученой степени, «Licence» или «Licenciatura», – это перевод арабского термина «иджаза», что означает данное профессором «разрешение» или «позволение» преподавать предмет, который у него изучал соискатель.

В Северной Африке и Испании было множество таких учебных заведений нового типа: старейшими и действующими до сих пор является не Болонский университет в Италии, а университет Каравийин, расположенный в марокканском городе Фес. Это учреждение было основано в 845 г. двумя сестрами-туниссками, занимавшихся благотворительностью. Сестры родились в городе Кайруан, который в то время был арабской столицей Малой Африки, или Туниса.

Место рождения этих женщин и дало название университету. Его красивые студенческие общежития до сих пор стоят в университетском квартале Феса и сегодня реконструируются марокканским правительством. Подобным университетским городом в Западной Африке был Тимбукту, образцом для которого послужили центры обучения в Северной Африке и

Андалусии.

Выпускники учебных заведений Западной Европы, как правило, продолжали получать образование в испанских университетах, подобно Герберту, приехавшему в Испанию в конце X века: Михаил Скотт приехал из Шотландии, Аделярд Батский – из Англии, Герман Немецкий и Герман Далматинский, соответственно, из Германии и Адриатики, а Платон Тиволийский и Гепард Кремонский – из Италии. Мы называем в основном страны, а не имена, чтобы показать, насколько притягательной была исламская Испания в эпоху своего расцвета.

Между тем, спустя полтора столетия после Маслямы Мадридского, еще один испанский ученый по имени Ибн Туфейль написал выдающийся трактат, который назывался «Роман о Хайе ибн Якзине» (в смысловом отношении это имя можно передать как «Живой, сын Неспящего»), но европейцам, которые, возможно, слышали о нем, этот трактат известен под названием «Философ-самоучка». Данная книга представляет собой ценнейшее исследование по эпистемологии, или анализу основ человеческих знаний, а также является прообразом «Робинзона Крузо», поскольку написана в виде художественного повествования задолго до того, как была создана форма современного романа. Ее герой с младенчества рос на необитаемом острове, и многое ему пришлось постигать с самого начала; однако в мистическом, согласно Пифагору, возрасте 49 лет (или семь раз по семь) он овладел всеми человеческими знаниями, самостоятельно исследуя природу, или окружающий его мир. Пять столетий спустя французский математик и философ Рене Декарт переработал почти такой же материал в менее художественной манере и все же обрел славу великого критика к тому времени уже приходящей в упадок схоластической философии позднего средневековья. Декарт до сих пор считается предтечей современной философии, тогда как Ибн Туфейль забыт и в своей родной Испании, и в Северной Африке, где он занимал пост государственного министра, был личным врачом короля Марокко, и во всем исламском мире, который должен помнить о нем.

Тем не менее, на протяжении десятилетий при жизни Ибн Туфейля интеллектуальные круги в Западной Европе и особенно новые университеты, к примеру, Парижский и Оксфордский, обращались к трудам, подобным «Философу-самоучке». В частности, они изучали работу его более известного ученика и подопечного из Кордовы, Ибн Рушда, или Аверроэса, как латинизировали его имя на Западе.

Научные интересы Ибн Рушда были сосредоточены на трактатах древнегреческого философа Аристотеля, которые он редактировал для изучения в арабских университетах. Однако практически в то же время их латинский перевод начали использовать в новых школах, появившихся в Западной Европе, особенно новые схоласты, такие как Фома Аквинский. Его труд «Сумма против язычников» представляет собой попытку дать ответ с католической точки зрения на ряд вопросов, поднятых этим испанским мыслителем-мусульманином. Само слово «summa» означает «все», или «джами», и именно этим арабским термином Аверроэс назвал свою редакцию «полного» собрания произведений Аристотеля. Кроме этого, Аверроэс редактировал еще две научные работы: одну, рассчитанную на широкий круг

читателей, или, как мы сказали бы, учебник для начинающих, а также пояснения для студентов-старшекурсников. Ибн Рушд стал непосредственным звеном передачи знаний с Востока на Запад.

Так в возрождающейся Европе постепенно начала воскресать философия, которая опиралась на принципы, восходящие к мусульманским философам, и этот новый дух исследования подготовил мир к современной эпохе. Рациональное индуктивное мышление основано, как мы уже говорили, на математике, но еще в большей степени оно происходит от исламской концепции «Сокровенного» (по-арабски «аль-Гайб»), которое мы не можем познать, но идея которого красной нитью проходит через весь Коран:

«У Него – ключи тайного; знает их только Он. Знает Он, что на суше и на море; лист падает только с его ведома, и нет зерна во мраке земли, нет свежего или сухого, чего не было бы в книге ясной» (сура 6, аят 59).

И еще:

«Это – из рассказов про сокровенное. Мы открываем их тебе; не знал их ты и твой народ до этого. Терпи же! Поистине, конец – богобоязненным! (сура 11, аят 49).

Этот нескрываемый дух исследования послужил стимулом для абстрактного доказательства, которое переросло в истинное университетское образование и научно-исследовательскую деятельность. Это движение взяло свое начало в исламских учебных заведениях Куфы и Басры в Ираке, где учился Аль-Маджри, а затем распространилось по всему исламскому миру и, в конечном счете, поспособствовало пробуждению Европы.

Т. Б. Ирвинг

«Impact International»,
январь-февраль, 2004

ПРОФЕССОР Т.Б.ИРВИНГ (1914-2002)

Лингвист, историк и преданный ученый

Заслуженный профессор Томас Баллантайн Ирвинг, 88 лет, выдающийся американский мыслитель-мусульманин, также известный по имени Хадж Та'лим 'Али абу Наср, умер 24 сентября 2002 г. Он был талантливым американским историком, специалистом по арабистике и испанистике, автором, чьи работы затрагивают проблемы современности. Как человек, пришедший к Исламу, Ирвинг, не привлекая лишнего внимания, занимался распространением послания Господа (да'уа). Он родился 20 июля 1914 г. в Престоне, штат Онтарио, Канада. Его родители, Уильям Джон и Джерси Кристина Мак-Интайр, были канадцами шотландского происхождения.

Хотя доктор Ирвинг часто выглядел сдержанным, задумчивым и немногословным, он слыл очень душевным человеком, серьезным ученым и рецензентом, чья деятельность касалась многих насущных вопросов. Он всегда выглядел как настоящий профессор, был обстоятельным и никогда не отзывался плохо о других, хотя в моменты гнева называл «неандертальцами» тех, кто отличался ретроградными взглядами и неискренностью.

В 1937 г. он окончил факультет современных языков (французский, немецкий и испанский) университета Торонто, на следующий год получил степень магистра в Монреальском университете, а в 1940 г. – степень доктора философии (в области арабистики и испанистики) в Пристонском университете под руководством профессора Филиппа Хури Хитти.

Свою педагогическую деятельность Ирвинг начал в 1940 г. в качестве преподавателя испанского языка в Калифорнийском университете в Беркли. Кроме того, он создал факультет ближневосточных исследований в университете Миннесоты, а в последствии занимал там должность доцента и профессора.

Работая в Миннесоте, он опубликовал книги «Adventuras en Centro-America» («Приключения в Центральной Америке» 1951); «Dorco y la patria» (Дорко и родина» 1959) и «Paisajer del Sur» («Южный пейзаж» 1954) – антологию культуры Латинской Америки (в соавторстве с Робертом Керсу). В Миннесоте Ирвинг также опубликовал свою самую известную книгу «Сокол Испании» (1954) – биографию арабского правителя Испании VIII столетия, 'Абд Ар-Рахмана I (756-88). Одновременно книга была издана в Гватемале под названием «Halcón de España» («Сокол Испании», 1954).

В отличие от таких европейских историков, как Рейнхарт Дози, который считал этого арабского правителя восточным деспотом, Ирвинг изобразил 'Абд Ар-Рахмана I европейским королем, сравнимым с Карлом Великим. Биография испанского правителя, впоследствии вошедшая в классику, помогла Ирвингу утвердиться как историку, который специализировался на изучении Испании и арабских стран. Этот и другие труды Ирвинга по арабской и исламской истории принесли автору всеобщее признание; в 1983 г. президент Пакистана Зия-уль-Хак наградил его «Ситара-и-Имтиаз» («Звездой Почета»).

Хотя книга доктора Ирвинга «Сокол Испании» является великолепной работой, я, перечитывая ее в прошлом году во второй раз, обнаружил несколько небольших, но существенных ошибок. Сообщать ему об этом было слишком поздно, поскольку к тому времени ученый уже впал в кому.

Так, на второй странице книги он написал, что Му'авия, вождь рода Омеййадов племени Курайш, нанес поражение халифу 'Али, да будет доволен им Аллах, в Мардж Рагит вместо Сиффина. Следующее утверждение оказалось еще более ошибочным. Доктор Ирвинг сказал, что 'Али даже небыл курейшитом, а принадлежал к фиритам, жившим на окраине Мекки. 'Али ибн Аби Талиб был чистокровным курайшитом из рода Хашимитов. Однако никто из нас не застрахован от ошибок.

К достижениям Ирвинга можно отнести его назначение в 1965 г. На должность профессора Северного центрального колледжа, г. Напервилл, штат Иллинойс США. После чего последовала работа в университете Гелфа, штат Онтарио Канада, откуда он вышел на пенсию в должности профессора романских языков.

К этому периоду относится сборник эссе «Возрождающийся Ислам», опубликованный в Нигерии (1979) и переизданный под названием «Подъем Ислама» (1982) и «Мир Ислама» (1984). В 1968 г. в Сидар-Рapidсе, штат Айова, вышла подборка из книги «Благородное чтение: антология Корана», которую в 70-х годах переиздавали в Нигерии. В 1979 г. «The Islamic Foundation» (Лестер, Великобритания), выпустил исправленное и дополненное издание этой книги под названием «Коран: Основные учения».

В 80-х и 90-х годах доктор Ирвинг регулярно писал рецензии для «Muslim World Book Review» («Обзор книг мусульманского мира», Лестер, Великобритания). В течение своей научной деятельности, которая длилась почти половину столетия, он сотрудничал со многими журналами, включая «Impact International» («Импульс, международное издание», Лондон), «Islamic Literature» («Исламская литература», Лахор), «The message» («Послание», Дели), «Studies in Islam» («Исламские исследования», Нью Дели), «Muslims News International» («Мусульманские новости, международное исследование», Карачи), «Muslim Digest» («Мусульманский дайжест», Дурбан, Южная Африка), «Muslim Life» («Мусульманская жизнь», Детройт), «Voice of Islam» («Голос Ислама», Хьюстон, Техас), «Исследования по средневековой культуре II», «Rivista Universidad de San Carlos» («Журнал университета Сан-Карлоса», Гватемала), «Аль-Иттихад» (США), «Cedar Rapids Gazette» («Ведомости Сидар-Рapidса», Айова) и «Muslim Education Quarterly» («Мусульманское образование, ежеквартальное издание», Кембридж, Великобритания). Он также написал главы к таким книгам, как «Мир Ислама» – презентационный том к работе Ф.Х. Хитри (MacMillan, Лондон, 1959), и «Изобразительное искусство в исламской цивилизации» (под редакцией М.А.Дж.Бега, Куала-Лумпур, Малайзия, 1981).

К числу его ранних значимых эссе, опубликованных во многих журналах, относятся: «Мусульманский мир: Задачи и обязанности» («Impact», март–апрель 1974), «Мессианизм без Мессии» («Impact», июнь 1974) и «Религия и социальная ответственность: Мусульманская точка зрения» («Impact International», август–сентябрь 1974); кроме того, такие статьи: «Взросление в

Исламе» и «Ислам и социальная ответственность» («The Islamic Foundation», Лестер, 1974); «Тайна в Коране», «Единственность Бога» («Muslim Life», Детройт, 1964; «Аль-Иттихад», 1966); «Западноафриканский Ислам» («Islamic Literature», Лахор, май 1960) и «Испанский мистицизм, исламский и христианский» («Islamic Literature», 1951); «Пробуждение зыбучих песков: Будущее Палестины», а также «Мусульманский характер в целом» («Muslim News International», Карачи, 1975); «Секуляризм: Его определение и задачи» («Voice of Islam», Хьюстон, Техас, 1974); «Мир Ибн Хальдуна» («Muslim News», Кейптаун, 1974); «Педро Жестокий и Ибн Хальдун» («Islamic Literature», 1958); «Ибн Хальдун о сельском хозяйстве» («Message», Дели, март 1953); «Развитие арабской мысли в Испании» («Studies in Islam», Дели, 1967); «Эмиры Испании» («Аль-Иттихад», 1968); «Арабская и Нормандская Сицилия» («Muslim Digest», Дурбан, Южная Африка, подшивка VI); «Введение к пониманию испанской истории арабского периода» («Islamic Review», Лондон, 1968); «Масляма Мадридский» («Islamic Literature», 1954); «Исламский мир сегодня» («Muslim Digest», Дурбан, 1955) | и «Определение шариата» («Muslim Education Quartely», подшивка 11, №4, Кембридж, 1994).

Исследования испанской истории арабского периода принесли доктору Ирвингу признание как историка. Он написал, по меньшей мере, три интереснейших сравнительных эссе: «Испанский мистицизм, исламский и христианский» («Rivista Universidad de San Carlos», Гватемала, 1946), «Исламское образование в Испании и Латинской Америке» («Rabitah» «Muslim World League Journal», Мекка, 1976) и «Исламские мотивы в испанской и латиноамериканской архитектуре» (1981), которые являются оригинальными, но спорными произведениями талантливого ученого. Уже после ухода на пенсию доктор Ирвинг написал весьма значимые работы по испанской истории и исламу: философское эссе «Единый Бог и концепция Аллаха в Исламе» (Чикаго, 1978) и небольшие эссе на тему «Ислам и социальная ответственность» (Чикаго и Лестер, 1974). К его публикациям на тему испанской истории относятся «Поэма о Хосе» (арабское название «Касыда Йусуф, публикация «Mezquita Madre», Сидар-Рapidс, 1988), основанная на 12-й суре Корана («Йусуф»); «Даты, имена и места: Конец исламской Испании» (арабское название «Тард аль-муслимин мин аль-Андалус», «The Mother Mosque Foundation», Сидар-Рapidс, Айова, 1990) и «Ремесло мудехар в Центральной и Латинской Америке с иллюстрациями и картами» («Mezquita Madre», 1992). В 80-х годах появился перевод на английский язык классического литературного текста «Калила и Димна» с испанского и арабского языков. К этим публикациям относятся его небольшое критическое эссе «Уничтожение мусульманского интеллектуального наследия в Испании» (1998), а также более ранняя работа «На полотнах мусульманской истории» (1976).

Хотя доктор Ирвинг высоко ставил других мусульманских ученых, он смело критиковал их работы. Он ценил труд профессоров Исма'ила Раджи аль-Фаруки и его жены Лоис Ламии' Аль-Фаруки, которые, будучи в гостях у него дома в Сидар-Рapidсе, обсуждали его перевод Корана на английский язык в американском варианте.

Однако такая дружба не остановила Ирвинга в критике несоответствий

«Атласа по исламской культуре» (Нью-Йорк, 1976), составленного аль-Фаруки. Особенно ему не понравилась книга Исма'ила аль-Фаруки «Таухид: Его значение для мышления и жизни» (1985). Ирвинг видел, как я пытался раздобыть экземпляр этой книги, и в последствии отнес увиденное на счет ее научной несостоятельности.

Ирвинг и его жена, Эвелин, тесно сотрудничали с Американским исламским колледжем в Чикаго. Доктор Ирвинг также был попечителем и деканом факультета гуманитарных и естественных наук (1981-1986).

Ирвинг начал работу над переводом Корана на английский язык незадолго до, либо же после, отпуска, предоставленного ему как Фулбрайтскому стипендиату в Колледже гуманитарных наук при Багдадском университете (1956-1957). Там он встретил марокканского ученого из Сиджилмаса, доктора Таки ад-Дина аль-Хилали, который вдохновил его на перевод Корана. Кроме того, он провел несколько месяцев в Ливийском университете в Триполи и Бенгази, где в 1973 г. преподавал испанский (мавританский) Ислам. Позже доктор Ирвинг читал лекции по теме «Исламская цивилизация» в Мусульманском институте в Лондоне (июль–сентябрь 1980).

В результате визита в мае–июне 1981 г. в Южную Африку, где процветал апартеид, появились такие критические отчеты, как «Ислам и кальвинизм на Мысе Доброй Надежды» и «Шесть недель при апартеиде» («The Moonitor», под редакцией Матиура Раххмана, Лондон, 1981), а также «Южноафриканские мусульмане лицом к лицу с дискриминацией» («Muslim World League Journal», Мекка, 1982).

После выхода на пенсию Хадж Та'лим 'Али переехал в Сидар-Рапидс, Айова, поскольку этот город имел особое значение, ведь в нем находилась «Мечеть – мать», старейшая мечеть в США и некоторые из тамошних мусульман обещали оказать ему финансовую помощь для издания его перевода Корана на английский язык. Однако ученого постигло разочарование.

Тогда Ирвинги отправили рукопись книги «Коран: первая американская версия» для набора в печать за свой счет. Затем доктор Ирвинг попросил опубликовать ее в Малайзии. Но поскольку мой контракт с Малазийским национальным университетом подходил к концу, мне пришлось отказаться от публикации такого огромного труда. Они убедили «Amana Books» в Браттлборо, штат Вермонт, выпустить работ у до конца 1985 г.

14 декабря 1985 г. я получил авторский экземпляр с лаконичной надписью: «Наконец-то она вышла. Благодарим за моральную поддержку в ходе работы».

В конце 1985 г. я договорился издать 30-ю часть перевода под названием «Краткие суры Корана» в Малайзии в 1986 г. и в Брунейском Дар-эс-Саламе в 1987 г. Рецензия на «Краткие суры» была опубликована в «Muslim World» (Коннектикут, США), тогда как главный перевод Ирвинга «Коран: Первая американская версия» дважды рецензировалась в «Muslim World Book Review», причем, по словам Ирвинга, очень резко. Он жаловался мне, что эти рецензии оказались бесполезными.

Доктор Ирвинг был плодотворным писателем, достигшим довольно многого, но наибольшую пользу он принес молодым ученым, - подобным мне. Он критично высказывался о современном Ближнем Востоке и часто осуждал неуравновешенную политику Вашингтона по отношению к палестинцам и

политическому кризису в Ливане в 80-х годах. Он считал маронитов виновными в разжигании общественных беспорядков в Ливане, а государство Израиль – ответственным за возникновение палестинской и ливанской проблем. Он полагал, что неправильная политика Белого дома, неизменно поддерживающего Израиль в противостоянии с арабами, создает препятствия на пути к миру.

Востоковеды-сионисты не избежали критики за написание антиарабских и антиисламских книг, которые вводят в заблуждение должностных лиц из правительства США. В письме к другу доктор Ирвинг выражает некоторые резкие взгляды: «Прочитав книгу Эдуарда Саида об ориентализме, я пришел к выводу, что он затронул слабое место, и мы, мусульмане, должны воспользоваться этим: британская и французская политика подала пример, которому Соединенные Штаты следуют на Ближнем Востоке, и это не позволяет добиться там какого-либо успеха. Учебники носят антиисламский характер, а газеты вторят их точке зрения – то есть злые языки искажают любое сообщение из этого региона. До тех пор, пока Вашингтон (а также Нью-Йорк и пресса) не изменят свою позицию, Соединенные Штаты будут пропускать мячи.

Да, я испытываю ненависть к наземным минам, которые стали причиной милитаризма на данном этапе истории, такой же, какой был отравляющий газ во время Первой Мировой войны. Я помню ветеранов этой трагедии, выкашливающих свои легкие в санатории, расположенном недалеко от моего родного города. Мы избавились от газа и теперь должны сделать тоже самое с наземными минами.

Мне не понятно сопротивление Вашингтона этой компании, которая демонстрирует еще одну неудачу его политики» (18 сентября 1997 г.).

Томас Баллантайн Ирвинг поддерживал множество благих дел, таких как борьба за права палестинцев и запрет наземных мин, которые стали причиной смерти невинных людей во многих горячих точках мира. Он давно осознал угрозу исламофобии и в 1988 г. написал: «Ислам, фактически, стал общей мишенью для западных средств массовой информации». В 70-х и 80-х годах Ирвинг поддерживал движение против апартеида и в 1981 г. отважился посетить Южную Африку, чтобы рассказать о тирании и расизме. Кроме этого он по-прежнему был твердо предан всем делам Ислама и мусульманского мира.

У него остался сын, д-р Николас Ирвинг, две дочери, Диана и Лилиан, и семеро внуков. Госпожа Эвелин Ирвинг скончалась 28 февраля 1999 г.

Д-р Мухаммад Абдул Джаббар Бег

«Impact International», ноябрь 2002

Чем мы обязаны Исламу

По материалам журнала «Impact International»

Под общ. ред. *Ибрагима Б. Ф. Сулу*
Перевод с английского *Л.Ю.Самсоненко*
Редактор А.О.Нагребельная
Компьютерная верстка, дизайн Г.Д. Аблятифова
Оформление обложки Ю.В.Фрындак

Свидетельство внесении в Государственный
реестр субъекта издательской деятельности
ДК №1779 от 06.05.2004

Подписано в печать 2007 Формат 75х90/32
Бумага офсетная №1. Гарнитура «Антиква»
Печать офсетная. Физ. печ.л. 2,2.
Усл. Кр.-отт. 15,25. Уч.-изд.л. 6,8.
Заказ №. Тираж 5000 экз.
Распространяется бесплатно

ОО «Ансар Фундейшн»
04119, г. Киев, ул.Дегтяревская, 25-А

Отпечатано в типографии «Экспресс»
Адрес: м. Київ, пр. Перемоги 30, оф. 52.

*Более подробную информацию об Исламе и мусульманах
можно получить по адресам:*

1. **Общественная организация “Аль-Исра”**
ул. М. Кошки, 63, г. Винница, 21000
тел/ф.: (0432) 53 18 24
2. **Общественная организация “Аль-Амаль”**
ул. Берестовская, 2, г. Донецк, 83076
тел/ф.: (062) 338 74 21
3. **Общественная организация “Аль-Мустакбаль”**
а/с 109, г. Днепропетровск, 49000
тел/ф.: (056) 744-36-20
4. **Общественная организация “Вера”**
ул. Пушкина, 68, г. Запорожье. 69054
тел/ф.: (0612)62 66 75
5. **Общественная организация “Ен-Небрас”**
а/с 6065. г. Львов, 79000
тел.: (0322) 75 00 94, ф.: (0322) 37 68 51
6. **Общественная организация “Аль-Баян”**
ул. Радянская, 40, оф.204, г. Луганск, 91000
тел/ф.: (0642) 58 44 91
7. **Общественная организация “Ан-Нур”**
ул.Дегтяревская, 25-А, г. Киев, 04119
тел.: (044) 490-99-00, ф.: (044) 490-99-22
8. **Представительство ВАОО “Альраид”**
Культурный центр “Творения” и ОО “Ахрар”
ул. Мокроусова, 7-А, г. Симферополь, 95000
тел.: (0652) 54-63-38, ф.: (0652) 54-63-37
9. **Общественная организация “Аль-Года”**
а/с 382, г. Полтава, 36023
т. (0532) 54 36 89, ф. (0532) 54 46 75
10. **Общественная организация “Аль-Масар”**
просп. Молодежи, 17-А, г. Одесса, 65006
тел.: (0482) 34-72-50, ф.: (0482) 34-72-49
11. **Общественная организация “Аль-Манар”**
пер. Байкальский, 2, г. Харьков, 61000
тел.: (057) 731 95 19, ф.: (057) 731 95 18

Томас Баллантайн Ирвинг (1914-2002) – талантливый американский ученый, специалист по испанистике и арабистике.

Томас Ирвинг закончил факультет современных языков (французский, немецкий, испанский) университета Торонто (1973), затем получил степень доктора философии и стал преподавателем испанского языка в Калифорнийском университете в Беркли. Позднее доктор Ирвинг создал факультет Ближневосточных исследований в университете Миннесоты.

Перу Томаса Ирвинга принадлежат такие работы, как "A Qur'anic Anthology" ("Антология Корана"), "The Qur'an: Basic Teachings" ("Коран: Основные учения"), "The Qur'an: The First American Version" ("Коран: первая американская версия", перевод Корана на английский язык) и многие другие книги.

Всеукраинская ассоциация общественных организаций "Альрайд" создана в 1997 году. В ее состав входит восемнадцать общественных организаций, функционирующих в разных областях Украины.

Сферы деятельности:

- культурно-просветительская;
- благотворительная;
- социальная помощь молодежи Украины.

25-А, ул. Дегтяревская, Киев-119

Украина, 04119

E-mail: office@arraid.org

www.islamUA.net

www.arraid.org

Общественная организация **"Ансар Фаундейшн"** входит в состав ВАОО "Альрайд" и занимается культурно-просветительской деятельностью – выпускает книги, брошюры, плакаты, аудио- и видеопродукцию.

25-А, ул. Дегтяревская, Киев-119

Украина, 04119

Киев 2008